

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМИ ЗЕМЛЯМИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. А. Фоменко, доктор географических наук, научный руководитель, Научно-производственное объединение «Институт устойчивых инноваций», профессор, info@pro-kad.ru, г. Ярославль, Российская Федерация,

К. Д. Орозбаева, аспирант, Кыргызский экономический университет имени Мусы Рыскулбекова, kanukey@gmail.com, г. Бишкек, Кыргызская Республика

«В традициях кочевнической культуры испокон веков заложен культ почитания Природы и составляющих ее сил, бережное и уважительное отношение к окружающей среде, от которой зависело все существование кочевника, воспитывалось с молоком матери из поколения в поколение. Сегодня становится очевидным, что истинными причинами экологического кризиса является именно забвение наших традиций бережного отношения к Природе»¹.

Чингиз Айтматов

Аннотация. В большинстве стран при разработке подходов устойчивого управления лесными землями все еще недостаточно используется потенциал неинституционализма и поведенческой географии, не учитываются традиции природопользования, недооценивается значение неформальных социокультурно-обусловленных институтов. В настоящей статье предпринята попытка проследить связь между управлением лесными землями и «поведением». Мы сосредоточились на разработке ключевых принципов управления лесным хозяйством в условиях нарастающих неопределенностей и рисков на основе корректировки поведения лесопользователей.

Мы показываем, что устойчивое управление лесами в Кыргызской Республике можно реализовать только: (1) основываясь на понимании ценностей и мотивов личности и групп и влияя на более широкий социокультурный контекст лесопользования, (2) применяя многофакторный подход к институциональному проектированию в различных масштабах и (3) способствуя активному участию всех заинтересованных сторон в управлении лесными землями с опорой на традиционно высокую роль местных сообществ.

Поскольку кочевой социум на протяжении веков представлял собой уникальную социальную общность, для которой были характерны понятные для всех его членов институты власти и управления, эти институты эффективно справлялись с организацией всех сторон жизни народа, регулировали общественные, семейные и личностные отношения, обеспечивали в целом безопасное существование социума, в том числе и в сфере сохранения лесных земель.

На основании анализа выявленных направлений воздействия социокультурных особенностей территорий на изменение институтов лесопользования предложен ряд новых подходов к анализу управления лесными землями, базирующихся на передоложенной модели человека ответственного (заменив традиционно используемую в индустриальную эпоху поведенческую модель человека экономического). Тем самым получает методологическое обоснование забота о будущих поколениях и сужается конус неопределенностей развития лесных земель в результате приоритета этических ограничений и регламентаций в поведении лесопользователей. Также категория ответственности позволяет методологически обосновать важность синтеза универсальных институтов регулирования и социокультурно обусловленных институтов при разработке территориальных программ и планов управления лесными землями.

Предложенные нами социокультурные подходы к анализу управления лесными землями могут быть использованы при разработке программ и планов развития таких земель, чтобы вклад лесов в капитал устойчивости страны, процессы общественного участия, показатели и критерии мониторинга и оценки были учтены в них должным образом.

Abstract. In most countries, when developing approaches to sustainable forest land management, the potential of neo-institutionalism and behavioral geography is still insufficiently used, traditions of environmental management are not taken into account, and the importance of informal socio-cultural institutions is underestimated. This article attempts to trace the link between forest land management and “behavior”. We focused on developing key principles for guiding actions in forestry based on adjusting the behavior of forest users in modern conditions of increasing uncertainties and development risks.

We show that sustainable forest management in the Kyrgyz Republic can only be achieved by: (1) building on an understanding of the values and motivations of individuals and groups and influencing the broader sociocultural context of forest management, (2) applying a multi-factor approach to institutional design across multiple scales, and (3) promoting the active participation of all stakeholders in the management of forest lands, relying on the traditionally high role of local communities.

Since the nomadic society for centuries was a unique social community, which was characterized by institutions of power and management that were understandable to all its members, these institutions effectively coped with the organization of all aspects of the life of the people, regulated social, family and personal relationships, and ensured a generally safe existence society, including in the field of forest land conservation.

Based on the analysis of the identified directions of influence of socio-cultural characteristics of the territories on changes in forest management institutions, a number of new approaches to the analysis of forest land management are proposed, based on the redone model of the responsible person (replacing the behavioral model of the economic person traditionally used in the industrial era). Thus, concern for future generations receives methodological justification and the cone of uncertainty in the development of forest lands narrows as a result of the priority of ethical restrictions and regulations in the behavior of forest users. The category of responsibility also allows us to methodologically substantiate the importance of synthesizing universal regulatory institutions and socioculturally determined institutions in the development of territorial programs and forest land management plans.

¹ Чингиз Айтматов. Лучшие цитаты. — URL: http://icite.ru/2072/citaty/ajtmатов_chingiz/v_traditsiyakh_kochevnicheskoy_kulturi#. WL2B8X1_eM8 (дата обращения: 05.10.2023).

Our proposed sociocultural approaches to the analysis of forest land management can be used in the development of programs and plans for the development of such lands, so that the contribution of forests to the country's sustainability capital, processes of public participation, indicators and criteria for monitoring and evaluation are properly taken into account.

Ключевые слова: устойчивое развитие, управление лесными землями, институты, бихевиоризм, поведенческая модель «человека ответственного».

Keywords: sustainable development, forest land management, institutions, behaviorism, behavioral model of a “responsible person”.

1. Введение

Мы живем в эпоху, когда мир усложнился, и создание богатств сопровождается общественным производством рисков, включая потерю лесных земель во многих регионах мира. Изменение климата и усиление давления со стороны растущего населения Кыргызстана угрожают благополучию лесных экосистем². Сложилась ситуация, когда даже перед угрозой климатической или экологической катастрофы люди, как правило, признавая их, действуют так, что создаваемая ими институциональная³ ситуация воспроизводит общество, слабо ориентированное на совместное выживание. В результате леса Кыргызстана, которые когда-то были обширными и зелеными, могут быстро превратиться в бесплодную, безжизненную землю, если не управлять ими должным образом. И на каждого человека возложена ответственность за то, чтобы леса Кыргызстана, эти великолепные хранители биоразнообразия, продолжали процветать для будущих поколений.

На международном уровне стремление уменьшить риски потери лесов с помощью институционального регулирования нашло отражение в глобальных целях устойчивого развития⁴ и непосредственно в глобальной ЦУР 15⁵. Достижение этой высокой цели предполагает расширение и гармонизацию применения универсальных формальных институтов с местными обычаями и

традициями. Обратим внимание, что известная концепция «думай глобально, действуй локально» имеет сильное социокультурное, в своей основе поведенческое, измерение⁶. Однако на практике наблюдалось стремление к унификации методов управления лесопользованием последних десятилетий, что, тем не менее, не привело к улучшению состояния лесных земель⁷. Причина такой ситуации в своей основе заключается в стойкости поведенческих нарративов индустриальной эпохи.

Неустойчивость сложившихся в мире тенденций развития, турбулентность мировой экономики, усиливающаяся несбалансированность экономических, социальных и экологических трендов, по мнению С. Н. Бобылева, привели к необходимости формирования новых моделей экономики [2]. К ним относятся, в первую очередь, модели устойчивого развития, которые предполагают глубокое изменение мышления и повышение значения ценностной составляющей. Как отмечают авторы Доклада Римского клуба [3], создание устойчивых моделей хозяйствования и их широкое распространение следует отнести к ключевой задаче выживания человечества⁸. Выдающийся ландшафтовед Д. Л. Арманд подчеркивает, что «...путь, достойный человека, состоит не в том, чтобы без конца «побеждать» Природу, а в том, чтобы наладить с ней мирное сосуществование» [4, С. 274].

Сложность ситуации в управлении лесными землями общепризнана, однако необходимость перехода к системным изменениям и отказ от модели уходящей индустриальной эпохи с ее гипертрофированной ориентацией на экономический

² Министерство сельского хозяйства Кыргызской Республики. — URL: <https://agro.gov.kg/ru/9207/> (дата обращения: 29.10.2023).

³ В наиболее ясной форме понятие «институты» определил лауреат нобелевской премии Даглас Норт, рассматривая их как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, которые стимулируют повторяющиеся взаимодействия между людьми [1].

⁴ Новая повестка и Цели устойчивого развития приняты на Конференции ООН в сентябре 2015 г. — URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/summit/> (дата обращения: 28.10.2023).

⁵ Цель 15: Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/biodiversity/> (дата обращения: 13.09.2023).

⁶ UN Department of Economic and Social Affairs. Agenda 21. — URL: <http://www.un.org/esa/dsd/agenda21/> (дата обращения: 13.09.2023).

⁷ Pasture condition maps in Kyrgyzstan. Technical note / FAO; IFAD. 2021. — URL: https://www.ifad.org/en/web/knowledge/-/pasture-condition-maps-in-kyrgyzstan?p_1_back_url=%2Fen%2Fweb%2Fknowledge%2Fpublications (дата обращения: 29.10.2023).

⁸ Абсолютно справедливо в Докладе также выдвинута идея «нового Просвещения», поскольку речь идет о потребности в существенном изменении трендов хозяйственной деятельности, затрагивающих целую планету.

доход все еще недостаточно осознается на уровне принятия практических управленческих решений. По нашему мнению, сложившуюся ситуацию (в терминах теории рисков) можно достаточно уверенно отнести к «серым лебедям», поскольку потеря горных лесов уже хорошо известен, но не вызывающий эффективных ответных действий реально возможный катастрофический риск⁹. Косметической правки привычных методов управления лесными землями уже недостаточно, о чем свидетельствуют сокращение площади горных лесов, снижение биоразнообразия, а также наблюдаемые неблагоприятные изменения в структуре лесных насаждений [5].

Чтобы управление лесными землями было эффективным в глобальном быстро изменяющемся мире, важно понять, почему одни люди, даже признавая реальную возможность экологической катастрофы или осознавая риск нанести своими действиями (или бездействием) существенный ущерб окружающим, усугубляют ситуацию, не заботясь об интересах будущих поколений, а поведение других реально отвечает экологическим целям, часто в ущерб их экономическим интересам. Тем более, что традиции кыргызского народа, как отметил А. Кочкунов, обладают исключительной жизнеспособностью, что проявляется в условиях современного быта и культуры кыргызов, где можно обнаружить различные явления, истоки которых уходят в глубокую и не столь глубокую древность, многие из них влияют на использование лесных земель [6].

Несмотря на то, что существует разнообразная литература об управлении лесными землями, внимание к тонкой институциональной «социокультурной настройке» управления лесными землями часто ускользает от внимания управленцев. Это объясняется тем, что экологическая этика, поведенческая география, экономика, несмотря на существенные изменения в подходах к изучению поведения человека в окружающей среде и наблюдающиеся в последнее время попытки сближения методологий, развиваются в значительной степени независимо друг от друга.

⁹ Именно «серые лебеди» принесли в современный мир большинство катастроф. В теории рисков «серый лебедь» понимается как событие, которое возможно и известно, потенциально чрезвычайно важно, но действия откладываются, так как риск воспринимается маловероятным в краткосрочной перспективе. «Серый лебедь» является побочным продуктом термина «черный лебедь» — Н. Талеб описал черного лебедя как чрезвычайно непредсказуемое событие, которое выходит за рамки того, что обычно ожидается от ситуации, и имеет потенциально серьезные последствия. — URL: <https://nesrakonk.ru/grey-swan/> (дата обращения: 30.10.2023).

Сегодня целостное мировоззрение сохранения живых систем — гуманное, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, ценящее устойчивость и ответственность (responsibility) за жизнь будущих поколений — в последние годы в наибольшей степени получает все большее распространение в методологии *устойчивого управления лесными землями* (УУЛЗ) [7].

При УУЛЗ актуализируются холистические парадигмы¹⁰ в противовес элементаризму и редукционизму, когда происходит замена наблюдателя участником, а мышление предполагается в терминах процессов, что близко теории систем и экологическому мышлению [8], и где в качестве междисциплинарного ядра сборки выступает синергетика [9]. Иными словами, УУЛЗ — сложный, нелинейный процесс сохранения жизнеспособности лесных экосистем для удовлетворения как экологических, так и экономических потребностей в быстро изменяющемся мире. Это всегда балансирование предпочтений людей, их выбором между сохранением биоразнообразия, жизнью местных сообществ и развитием промышленности; во многом это философия, связанная с ответственностью за выживание нашей планеты и людей. Однако в научном плане методология УУЛЗ разработана слабо, что объясняется и недооценкой социокультурных различий стран и регионов в управлении лесами, и сложностью предмета исследования, и неясностью механизмов воздействия и учета социокультурных особенностей территориальных общностей людей на принятие решений в этой сфере деятельности, и практически отсутствием единого научного аппарата для оценки индивидуального опыта и личных предпочтений людей при решении проблем сохранения лесов.

Цель данной статьи — показать возможности и особенности устойчивого управления лесными землями Кыргызской Республики, опираясь на культуру и традиции народа и заменяя распространенную поведенческую модель человека экономического на модель человека ответственного [10]. С учетом изучения материалов этнографических исследований и собственных наблюдений, авторами показаны направления воздействия социокультурных факторов на управление лесными землями, рассмотрены важные социокультурные особенности лесопользования, сформулированы рекомендации по адаптации подходов устойчивого управления лесами в стране.

¹⁰ Холизм — в широком смысле — позиция в философии и науке по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия и приоритета целого по отношению к его частям.

2. Методология

В ходе исследований, применительно к сфере управления лесными землями в Кыргызской Республике (где все леса обладают природоохранным статусом) была использована социокультурная методология управления природоохранной деятельностью, развиваемая Г. А. Фоменко [10], которая базируется на методологии неинституциональной экономики Д. Норта [1; 11] и поведенческой географии Д. Голда [12]. В ее основу положен «императив ответственности», продиктованный осознанием необходимости предотвращения возможности экологической катастрофы. В прикладном аспекте социокультурная методология управления лесными землями акцентирует внимание на снижении интенсивности конфликтов, возникающих при импортировании институтов на территории с различными социокультурными условиями, и на уважении исторически сложившихся традиций обеспечения жизнеспособности людей и местных сообществ, выработанных веками коренным населением, для поддержки таких норм поведения, которые способствуют устойчивому развитию настоящих и будущих поколений.

Для лучшего понимания процесса управления лесными землями с таких методологических позиций кратко рассмотрим: наиболее подходящие поведенческие модели деятельности, институциональное регулирование в лесопользовании, социокультурные основы переноса (импорта) институтов.

2.1. Поведенческие модели человеческой деятельности применительно к устойчивому управлению лесными землями. Применение таких моделей в анализе лесопользования предполагает включение более реалистичных предположений о поведении человека¹¹. Несмотря на то, что существует разнообразная литература об управлении лесными землями, методологических исследований, объединяющих теории лесоводства и поведенческие теории, крайне мало.

Есть концепции психологической и географической детерминации, есть объяснение внешними факторами, таким как историческая необходимость; в социальной науке показано и исследовано множество причин, которые заставляют людей действовать определенным образом (в том числе концепция Маслоу, как попытка нащупать иерархию мотивации человеческой деятельнос-

ти). Широко используется поведенческая модель «экономического человека», согласно которой экономические агенты мотивированы исключительно на максимизацию прибыли и априори обладают полным знанием всей информации для рационального выбора. Каждая из таких концепций опирается на определенную сумму фактов и исторический опыт. Ответа, как управлять лесными землями в условиях нарастания неопределенностей и рисков (климатических, природных, финансовых и др.), они не дают, так как основываются на ограниченном опыте и слабо мотивируют на долгосрочную заботу о будущем. Отметим, что сама возможность ответственности человека за будущие поколения, по сути, игнорируется и в бихевиоризме Б. Скиннера, Смита и др. [13–16], и в поведенческой модели «человека административного» Л. Маллинза [17], поскольку свобода начинается там, где человек сознательно ограничивает себя, в том числе и с экологических позиций.

Обзор литературы показывает существенное разнообразие и эволюцию представлений о поведении человека относительно леса, а лесохозяйственные модели поведения и практики многочисленны и разнообразны. Последние могут варьироваться от деятельности, включающей заготовку древесины до социальных, природоохранных и культурных мероприятий, проводимых в лесу. Первый метаанализ исследований поведения человека в окружающей природной среде был принят Хайнсом с коллегами в 1987 году [18]; в дальнейшем был выявлен ряд базовых теорий и моделей поведения человека в окружающей природной среде [19]. К управлению природоохранной деятельностью в той или иной степени близки: (1) древнейшие (примитивные) модели (Primitive models — PM), модель поведенческих изменений (Behavioural change model — BCM) [20]; модель экологически ответственного поведения (Motivational Model for Environmentally Responsible Behavior — ERB) [18]; теория разумных/обоснованных действий (Reasoned/Responsible action theory — RRAT) [21, 22]; модель планируемого поведения (Theory of Planned Behavior — TPB) [21, 23]; модель экологического гражданского поведения (The Environmental Citizenship Model — ECM) [20]; модель ценностей-убеждений-норм (The Value-Belief-Norm Theory of Environmentalism — VBN) [24, 25]; модель веры в здоровье (Health Belief Theory — HBT) [26, 27].

Наш анализ показал, что эти модели полезны, но недостаточны для устойчивого управления лесными землями, поскольку требуется понимание не только поведения человека в окружающей среде, но и его мотивации в заботе о будущих по-

¹¹ Соответствует основному принципу поведенческой географии. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0069.xml> (дата обращения: 30.10.2023).

колениях и природе. Обращение к моральной, ценностной составляющей поведения способно компенсировать частичную рациональность деятельности человека и важность заботы о будущих поколениях. Именно ценностная ориентация уменьшает возможную деструктивность поведения индивида, повышает рациональность его действий при неполноте информации. Этим актуализируется этическая категория ответственности. По мнению Х. Йонаса, ответственность человека состоит в том, чтобы сохранить свой вид и сохранить окружающую среду: и то, и другое следует защищать, прежде всего, от собственных действий. Для этики ответственности то, что «ты не должен», ставится приоритетнее, чем то, что «ты должен» [28]. Такая позиция близка и миру Чингиза Айтматова с его трепетным отношением к Матери-Природе. Идея единства с природой в мировоззрении кыргызов понималась как гибкость законов существования и духовная открытость к новому, повышенная адаптивность к окружающему миру. Универсальность, гармония проявлялись как в ценностном разнообразии норм, традиций, обычаев и идеалов, так и в социальной организации народной жизни через развитую родоплеменную сеть — санжыра [29].

Императив ответственности рассматривается в качестве важнейшего элемента в развиваемом Г. А. Фоменко социокультурном подходе к управлению природоохранной деятельностью [10], который существенно корректирует доминирующие сегодня поведенческие модели экономического и административного человека путем включения социокультурной составляющей. В ситуации высоких рисков и неопределенностей именно обращение к моральной, ценностной составляющей способно компенсировать частичную рациональность деятельности человека, недостаточность (порой весьма значительную) информации для принятия им решений и реализовать заботу о будущих поколениях и здоровье планеты; ценностная ориентация уменьшает возможную деструктивность поведения индивида.

Интерес к уточнению модели «человека ответственного» стимулируется концепцией «подталкивания» [30], которая показывает, что небольшими институциональными вмешательствами можно заставить людей вносить существенные положительные изменения в свое поведение. По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике Э. Олстром [31, 32], люди, которых мы изучаем, обладают сложными мотивационными структурами и веками создают разнообразные частные некоммерческие, государственные и общинные институциональные механизмы, которые действуют в различных масштабах. При их

изучении внимание акцентируется на выявлении и понимании социальных дилемм — проблемных социальных ситуаций, в которых возникают противоречия между кратковременными целями экономических агентов и возможностью достижения «отложенного вознаграждения» [33]. Дилеммы в использовании лесных земель возникают в ситуациях взаимодействия заинтересованных сторон всякий раз, когда нужно делать выбор: удовлетворять ли личные сиюминутные интересы за счет ухудшения положения всех участников или принять правильные решения о совместной деятельности с целью общего благополучия.

2.2. Институциональное регулирование в лесопользовании. Управление лесами, ориентированное на снижение рисков потери устойчивости в управлении лесными землями Кыргызской Республики, представляет собой процесс системных институциональных изменений, направленный на обеспечение жизнеспособности антропо-природных систем. Поэтому обоснование разработки и проведения институциональных воздействий базируется на глубоком понимании ценностей, мотивации и восприятия целевых лиц и групп, как важнейшего предиктора¹² эффективности предполагаемых институциональных вмешательств [34, 35]. Институты, или «правила игры» в обществе, как их определил в общем виде Д. Норт [1], создают ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. При этом социальные субъекты, такие как семьи, местные сообщества и социальные сети, могут играть решающую роль в изменении поведения [31]. Воздействие на них может дать значительные преимущества с точки зрения достижения желаемых результатов изменения поведения в направлении устойчивого управления лесными землями.

Институты, регулирующие лесопользование (формальные и неформальные)¹³, возникли как поведенческая реакция людей и их сообществ на угрозы (реальные или вымышленные) их безопасности; широко понимаемые географические условия территорий являются основой их приме-

¹² Предиктор (от англ. predictor — «предсказатель») — это прогностический параметр, средство прогнозирования.

¹³ Неформальные природоохранные институты выражаются в обычаях, традициях, религиозных нормах и правилах, ограничивающих и регламентирующих воздействие на окружающую среду. Формальные природоохранные институты отличаются от неформальных по степени проявления. Создание юридических систем, призванных решать все более сложные конфликты и споры, влекло за собой расширение сферы применения формальных правил. Взаимодействие институтов может быть как дружественным, так и конфликтным (*авт.*).

нения. Неформальные институты выражаются в обычаях, традициях, религиозных нормах и правилах, ограничивающих и регламентирующих лесопользование. Формальные институты существуют в виде различного рода документов нормативного, регулирующего, рекомендательного, инструктивно-методического и иного характера, они отличаются от неформальных по степени проявления [36, 37].

Институты, регулирующие лесопользование, неотделимы от территориальных институциональных систем, поскольку выбор и особенности природоохранных институтов на конкретной территории связаны с определенным набором культурных образцов поведения и действий, которые «запечатываются» в социальную форму. Институты, ограничивающие и регламентирующие лесопользование, имеют ценностно-нормативные основания, обусловленные системой ценностей и убеждений, свойственной культуре общества. Именно культура определяет взаимосвязь норм и правил, которые становятся фундаментом для профессиональных и жизненных практик.

Анализ широко понимаемых географических особенностей лесных земель, определяющих поведенческую мотивацию лесопользования, позволяет выявить, что является общим в развитии институтов, а что специфическим, присущим только конкретным сообществам людей, а также понять динамику изменений неформальных и формальных институтов. Институциональное регулирование, основанное на многостороннем подходе, который сочетает технические меры с образованием, обучением и институциональными «тонкими настройками» на уровне сообществ, как правило, оказывается более эффективным, чем отдельные вмешательства [38, 39].

Управление лесными землями через гармонию применения универсальных и социокультурно обусловленных институтов обеспечивает комплексные выгоды для всех, начиная от защиты местных источников средств к существованию и заканчивая защитой биоразнообразия и экосистем, обеспечиваемых лесами, сокращением бедности в сельских районах и смягчением некоторых последствий изменения климата.

2.3. Социокультурная основа переноса (импорта) институтов. Начавшийся переход к устойчивому управлению лесными землями и невиданное ранее расширение возможностей получения оперативной информации о лесопользовании в других странах обусловили потребность в конкретизации заимствования институтов лесопользования с учетом широко понимаемых географических особенностей стран. В настоящее время принято выделять перенос (импорт) из собствен-

ной истории, опыта и истории институционального развития зарубежных стран, а также из теории [40].

Наиболее важно, чтобы выбор институционального заимствования соответствовал сложившемуся на конкретной территории социокультурному диапазону выбора принимаемых решений в сфере управления лесными землями, поскольку выбор целевых приоритетов и способов их достижения зависит от того, во что верят люди. Их же убеждения, в свою очередь, зависят от культурно окрашенного видения себя и окружающего мира. Иными словами, в Кыргызстане сформирован методологический запрос на изучение институциональной зависимости от пройденного пути «path dependency» (имеется в виду историко-культурная инерция социальных, прежде всего экономических, институтов [1; 41; 42] и «QWERTY»-эффекта [43; 44].

Нельзя не сказать, что благодаря информационной революции (интернет, телевидение, связь и т. п.), а также удешевлению и ускорению перемещения людей существенно повысилось качество априорной (предварительной) оценки выбора институтов для импортирования. Этому способствует новый инструментарий, который включает в себя оперативно обновляемые метабазы и возможность быстрого ознакомления с лучшими практиками различных стран в режиме реального времени.

Следствием таких изменений стало появление в конце XX века нового направления исследований — этнометрии, измеряющей ментальные характеристики различных этнических групп в сопоставимых показателях. Ее основоположником справедливо называют Г. Хофстеде [45], методологические разработки которого были реализованы в ходе международных проектов по диагностике ценностей, которые осуществлялись на протяжении второй половины XX — начале XXI века и охватили более 70 стран мира. В этих странах через специальные показатели количественно оценивались базовые ценности, которые находятся в основе неформальных институтов и определяют ориентацию людей в восприятии разных поведенческих предпочтений, моделей координации, форм и методов управления. Применение таких показателей в Кыргызстане позволяет глубже понять институциональную основу управления лесными землями, оценить влияние культур на решение проблем сохранения лесов, уточнить и расширить представления об ограничениях и тенденциях развития институциональных систем в сфере лесопользования и на этой основе определить диапазон приемлемых решений для органов управления лесопользованием в стране.

3. Результаты

В Кыргызской Республике в последние два десятилетия возрастает нагрузка на лесные земли в результате усиления давления на леса со стороны растущего населения и климатических изменений. Так, за период с 2002 по 2022 год поголовье крупного рогатого скота выросло с 988,0 тыс. голов до 1783,0 тыс. голов¹⁴ или на 185 %; число овец и коз возросло соответственно с 3765,4 тыс. голов до 6277 тыс. голов¹⁵ или на 167 %. В техническом отчете «Лесные счета Кыргызской Республики» [5] подчеркивается важность товаров и услуг, которые экономика и население Кыргызстана получают за счет лесов, представляющих собой уникальную привлекательность для внутреннего и зарубежного туризма. В лесах сельские жители в большом количестве собирают грецкие орехи и другие дикоросы (рис. 1).

Практика использования лесных земель в Кыргызстане имеет свои специфические особенности, которые выражаются в стойкости неформальных институтов по отношению к скоту, как особо значимой форме богатства, что характерно для кочевой культуры. Так, производственная система Кыргызстана сегодня полагается на мобильность скота как на ключевую стратегию, которая позволяет пастухам смягчать риски и эффективно управлять пастбищами и водными ресурсами. Мобильность дает им возможность реагировать на климатические потрясения и экстремальные погодные явления, такие как засуха, обильный снегопад, проливной дождь и сильный ветер¹⁶.

Такой рост поголовья скота негативно сказывается на состоянии лесов, поскольку мелкие фермеры, которые владеют большей частью поголовья скота, склонны круглый год пасти свой скот на присельных пастбищах, что приводит к перевыпасу на этих пастбищах и недоиспользованию отдаленных летних пастбищ. Также по мере ухудшения состояния пастбищных угодий¹⁷ скот все чаще пасут на лесных землях и там же активно заготавливают сено. И тот факт, что всем лесам, согласно нормам Лесного кодекса Кыргыз-

ской Республики, как особо ценным, придан исключительно природоохранный статус, преследующий преимущественно экологические и санитарно-гигиенические, оздоровительные и иные защитные цели с запрещением промышленной заготовки древесины, не устраняет неустойчивые методы лесопользования.

В ходе исследований был выполнен анализ институциональных возможностей и ограничений в управлении лесными землями в Кыргызской Республике для лучшего понимания институциональных возможностей и ограничений устойчивого управления лесами¹⁸. Для УУЛЗ важно понять: (1) на какие культурные особенности традиционного лесопользования следует опираться; (2) в каких направлениях социокультурно обусловленный «институциональный коридор» предопределяет диапазон выбора приемлемых решений; (3) как исторически обусловленный «институциональный коридор» ограничивает и регламентирует проводимые институциональные изменения; (4) по каким направлениям целесообразно принимать меры «тонкой социокультурной настройки» со стороны общества и государства, чтобы поддержать устойчивое использование и восстановление утерянных лесных земель, а также постепенно снизить влияние негативных потребительских стереотипов поведения в лесу.

Институциональные возможности и ограничения определены нами по группам социокультурных факторов [46], которые применительно к сфере природопользования развивают подходы Г. Холстеде [47]. Рассмотрим их подробнее.

3.1. Историческая стабильность прав собственности — *точность определения и историческая укорененность прав собственности, сила традиций их соблюдения формируют важнейший фактор применения целых групп институтов управления лесными землями*¹⁹. Значение этого показателя в

¹⁴ Министерство сельского хозяйства Кыргызской Республики. — URL: <https://agro.gov.kg/ru/9207/> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁵ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. — URL: <https://www.stat.kg/ru/opendata/category/98/> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁶ FAO and IFAD. Pasture condition maps in Kyrgyzstan. 2021. — URL: https://www.ifad.org/en/web/knowledge/-/pasture-condition-maps-in-kyrgyzstan?p_1_back_url=%2Fen%2Fweb%2Fknowledge%2Fpublications (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ В настоящее время, благодаря развитию интернета и цифровых технологий, стал возможен доступ к огромным массивам информации, и ознакомление с многочисленным набором лучших практик различных стран происходит оперативно, в режиме реального времени. С одной стороны, это облегчило задачу поиска большого количества новой информации, с другой — усложнило выбор из большого количества возможных вариантов действий того, который в наибольшей степени подходит для конкретных условий.

¹⁹ Значение фактора стабильности прав собственности в управлении лесными землями играет доминирующее значение при: (1) выборе источников импортирования институтов из зарубежного опыта, их преимуществ и недостатков с позиций применимости в условиях КР, (2) проектировании природоохранных мер в лесопользовании с акцентом на коллективные действия местных сообществ, (3) «социокультурная настройка» экологического воспитания и образования.

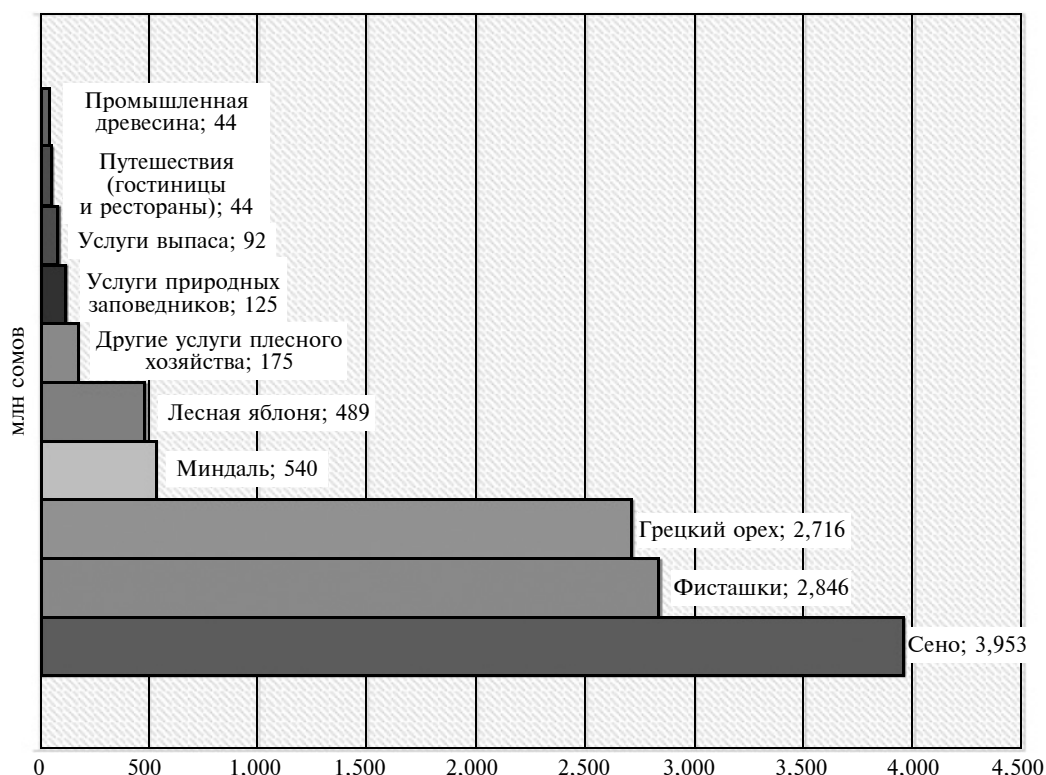

Рис. 1. Показатель совокупного предложения 10 основных продуктов и услуг лесного фонда в Кыргызской Республике в 2019 г. (млн сомов). Источник: [5]

Кыргызстане относительно низкое, поскольку «... в условиях господства кочевого скотоводческого быта у киргизов еще не успело окончательно выкристаллизоваться и укрепиться само понятие о недвижимом имуществе, ибо дома с хозяйственными постройками имелись еще далеко не у всех жителей горных районов, фруктовые насаждения были редкостью, а пахотная земля лишь местами стала превращаться в объект купли и продажи и только в отдельных районах принималась в расчет при разделах семьи и наследования» [48].

Понятие «собственность» в традиционном сознании кыргызов, как отмечает А. Кочкунов, имело не правовое, а скорее культурное значение. Для обозначения этого состояния правомерно слово «ээси» — хозяин, владелец. Глава семьи — мужчина в действительности был не только владельцем, подлинным хозяином всего семейного имущества, но и распоряжался жизнью членов семьи. Без согласия хозяина ни одна вещь не отчуждалась из его владения, никто не имел права распоряжаться скотом, даже при отсутствии главы семьи [6].

Как выяснилось из многочисленных коммуникаций (рабочие совещания, неформальные консультации, личные беседы) в сельской местности (Иссык-Кульская, Ошская, Джалал-Абадская области) с местными менеджерами (главы сельских советов, руководители лесхозов, паст-

бишных комитетов и др.), владельцами домашних хозяйств и др., богатство воспринимается, прежде всего, через количество скота в собственности. Такого же мнения придерживаются и многие городские жители, в основном имеющие сельские корни. Исторически сложившиеся представления людей о богатстве, которое является подтверждением общественного статуса домохозяина (сколько у меня голов скота), при разрушенной системе высокогорных пастбищ являются значимым фактором усиления нагрузки на леса КР, их истощения и деградации, поскольку интересы выпаса скота традиционно доминируют в решениях вопросов лесопользования у сельских жителей. Также негативно воспринимаются большинством сельских жителей и попытки огораживания лесных участков заборами (для сохранения молодых посадок леса), по их мнению, «земля для всех».

Тем не менее в ходе наших полевых исследований были выявлены и успешные примеры решения проблемы «скота в лесах». Например, в Иссык-Кульской области местные арендаторы лесных участков (как представители довольно успешного малого бизнеса в сфере предоставления туристических услуг на горных лесных территориях) смогли переломить общественное сознание. Они убедили сельские общины в полезности отгона скота для выпаса на дальние высокогор-

ные пастбища. В результате свободно гуляющие по лесам коровы, овцы и другие домашние животные перестали мешать отдыху туристов. Во многом такой успех связан с существенным замещением доходов местных жителей от животноводства выгодным туризмом.

3.2. Временной диапазон планирования будущего характеризует степень, с которой общество демонстрирует прагматическую ориентацию на выживание в будущем, в противовес ориентации на быстрый результат. Для культурных традиций большинства населения Кыргызстана характерен в целом средний диапазон планирования (меньше, чем в Китае, но больше, чем в России) и при этом относительно высокий на уровне семьи. Такая качественная особенность обусловлена кровно-родовыми общинными традициями кыргызов, которые сформировали особые ценности, навыки и образ жизни, наиболее значимы среди которых следующие.

Во-первых, это первостепенная роль интересов семьи и рода, их выживания в будущем, что весьма характерно для традиционного мировосприятия; именно семья и род — основа социальной поддержки и защиты в трудные времена. Поэтому при планировании будущего кыргызы всегда сосредоточены на обеспечении благополучия семьи, сохранении традиций и передаче их следующим поколениям. Такое видение процесса развития и своего в нем участия стимулирует осторожность и предусмотрительность в принятии решений.

Во-вторых, кыргызы жили в гармонии с природой и зависели от ее ресурсов как основы выживания, что вызывало у них уважение к окружающей среде. У кыргызского народа прочно сохранился культ божеств Тенгри, Умай-Эне, Жер-Суу; языческие верования широко распространялись и в поклонении земле, воде, родникам, камням, лесу, «святым горам», вознесении молитв Солнцу и Луне [49]. Кочевой образ жизни требовал устойчивых навыков, чтобы обеспечивать себя пищей, водой, жилищем и другими основными ресурсами; в условиях отсутствия постоянного местоположения, развивать навыки охоты, рыболовства, сбора плодов, а также обработки и использования доступных природных материалов. В планировании будущего это может подчеркивать важность устойчивого использования ресурсов и сохранения природы для будущих поколений.

В-третьих, кыргызы, как кочевники были вынуждены развивать навыки самостоятельности и независимости. Часто сталкиваясь с неожиданными ситуациями, такими как непогода, болезни скота или внезапные опасности, от жителей требовалась способность принимать быстрые и эффективные решения, чтобы обеспечить выжива-

ние и благосостояние семьи или племени. Эта способность может сформировать важное качество в планировании будущего, с опорой на готовность к переменам и гибкость в реагировании.

В-четвертых, кочевой образ жизни требует тесной связи с природой и ее циклами; в целях выживания кыргызы были вынуждены предугадывать будущие потребности и риски. Они научились анализировать природные условия, предсказывать изменения сезонов и погоду, чтобы заранее подготовиться к возможным трудностям. Поэтому для кыргызской культурной традиции характерны гибкость и адаптация к изменяющимся обстоятельствам, поскольку кочевничество требует от людей готовности к постоянным перемещениям в поисках пастбищ и воды для скота. Отметим, что в планировании будущего для кыргызов привычно учитывать даже сезонные изменения, чтобы эффективно использовать ресурсы и избегать кризисных ситуаций. Так, в одном из интервью сельский житель рассказал, что он внимательно смотрит на весенние заморозки. Если будет хороший урожай черешни, то он останется ее собирать, а если будут заморозки, то он поедет на заработки в Россию.

Значение рассматриваемого фактора позволяет понять, насколько культурно обусловлен временной диапазон планирования будущего для стратегического планирования в Кыргызстане. Безусловно для устойчивого развития предпочтительно высокое значение этого показателя, и для этого в Кыргызстане есть социокультурные предпосылки. В условиях высокой рискогенности современного мира исторические традиции кыргызов могут и должны стать базой для концепций и стратегий устойчивого управления лесными землями, а также для становления зеленой экономики и, конечно, достижения климатической нейтральности.

3.3. Дистанцированность власти — восприятие власти, степень, с которой члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти. Этот показатель в Кыргызстане имеет двойственный характер, поскольку в институциональном плане традиции центральной власти взаимодействуют с родоплеменными, общинными отношениями, свойственными семейно-родственным группам. Так, централизованному государственному строительству способствовало компактное проживание кыргызского народа, наличие совершенно четкой самоидентификации общенародного кыргызского языка, этнокультурные общности, и главное, устная история об общности происхождения и родоплеменных связях территориальных групп кыргызского народа и многих других признаков [50].

Ключевым в нацистроительном процессе кыргызского народа большинством специалистов, несмотря на различающиеся оценки, признается советский период [50].

Основные формальные институты в сфере лесопользования СССР были универсальны на всей его территории и эволюционировали на основе Российской институциональной матрицы²⁰ с высоким значением показателя дистанционности от власти, что безусловно повлияло на систему управления в Кыргызской Республике. Наряду с этим, в современном развитии Кыргызстана продолжают играть значительную роль традиционные отношения и институты: родоплеменные, общинные, семейно-родственные (патронимические) в различных организационных формах: старшинства, махалля и др. Заслуживает внимания наблюдение С. М. Абрамзона, что в мелких родовых подразделениях Кыргызстана многие годы сохранялся «комплекс живых и активно действующих явлений патриархально-родового быта», которые были одновременно и остаточной «живой» формой родоплеменной организации [48, с. 193]. Такая вертикаль власти характерна (несмотря на существенное ослабление в советский период) практически для всех родоплеменных групп кыргызского народа [51].

Применительно к управлению лесными землями Кыргызской Республики, по нашему мнению, важно учитывать такой институциональный дуализм. Следует согласиться с профессором А. С. Кочкуновым, что традиционные институты не исчерпали положительный, созидательный потенциал, заложенный многовековой историей кыргызского народа [51, с. 229–234]. Однако такое утверждение требует непредвзятого институционального анализа сложившейся ситуации, отделив неформальные институты, которые способствуют устойчивому управлению лесами Кыргызстана, от тех стереотипов, которые негласно ему препятствуют.

В связи с этим при управлении лесными землями Кыргызстана целесообразно усилить внимание к процессу глокализации²¹, когда универ-

²⁰ По определению Д. Норты, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему [1].

²¹ Глокализация (от глобализации и локализации, от лат. *localis* — местный) — региональный отклик на процессы глобализации, выражающийся 1) в приспособлении повсеместно распространенных и унифицированных хозяйственных практик к местным условиям и 2) изменении местных социокультурных образцов под воздействием проникновения в повседневную жизнь локальных сообществ и коренных народов западных ценностей и культурных стандартов. — URL: <https://bigenc.ru/c/glokalizatsiia-e597f5> (дата обращения: 01.09.2023).

сальные и местные институты лесопользования взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга. Заметим, что такое видение противоречит все еще сохранившимся у значительной части мировой элиты представлениям модерна, когда конфликт между традиционными локальностями и универсалистскими тенденциями казался очевидным и закономерным [52]. На новом этапе постмодерна такое отрицание как минимум неоднозначно. Более того, именно опора на социокультурные традиции может стать важным драйвером устойчивого развития.

Только включение людей в управление лесными землями, дополнение «подхода сверху» «подходом снизу» позволяет создать эффективную систему управления в условиях нарастания тенденций глобализации, когда изменение национального законодательства влечет за собой необходимость нахождения на всех уровнях территориальной организации нового институционального баланса, как компромисса интересов природопользователей, государственных организаций и общественных структур. Именно здесь существует основная зона «тонкой социокультурной настройки», чтобы постоянно сглаживать противоречия, гасить конфликты с минимальными затратами, искать компромиссы и общие интересы.

3.4. Преобладание добровольности или командности — означает соотношение взглядов в обществе на то, какие способы достижения результата предпочтительнее — основанные на свободе выбора или на принуждении. Для институциональной системы Кыргызской Республики характерно постоянное нахождение баланса командности и добровольности. В институциональном отношении кочевой социум представлял собой уникальную социальную общность, для которой были характерны упрощенные и понятные для всех его членов институты власти и управления. Исторически сложившаяся институциональная система эффективно регулировала общественные, семейные и личностные отношения, обеспечивая в целом безопасное существование.

Важную роль в функционировании кочевого социума играли семья (большая патриархальная и малая) и семейно-родственная группа. Эти два института были ключевыми звеньями в социализации молодого поколения, обладали реальными рычагами воздействия на своих членов, регулировали семейные, брачные, имущественные отношения. На протяжении веков для кочевника выход из такой системы означал неминуемую гибель. Это очень важное обстоятельство помогает правильно понять социальную иерархию кочевого мира. Такие формулы, как «эл тенен, журт те-

нен бир бол» (буквально: быть вместе с народом), «эл көргөн кунду кор» (буквально: испытать то, что испытывает народ), «эл менен бийиксиң, элден чыксаң кийиксиң» (буквально: величие твое с народом, вне народа ты — дикий зверь) и др., были не пустыми словами, а идеологией кыргызского общества, обеспечивающей внутриэтническое единство, сплоченность, нацеленность на коллективные действия [51]. Во многом этим объясняется распространенность субботников и иных форм коллективного труда, где все работают на общее благо.

Такое сочетание командности и добровольности в традиционном кыргызском обществе формировало устойчивые принципы солидарности, взаимопомощи, взаимовыручки (патронимической, родовой, племенной), коллективной ответственности. Морально-нравственной основой такой системы являлась честь рода, племени, получившее выражение в нравственной категории «намыс»²², за которую каждый член должен был, не щадя себя, бороться [53]. Ее концептуальное содержание представляет присущие личности нравственные качества, а также определяют обусловленное наличием указанных качеств отношение личности к другому: например, честь, репутация, доброе имя, совесть, достоинство, стыд, обида, обычай²³. Намыс имел и имеет непреходящее социально-культурное значение в жизни кыргызского народа; в условиях кочевого быта он был движущей силой родового или племенного патриотизма. Намыс веками служил знаменем в борьбе за авторитет рода или племени, за сохранение подобающего места в родоплеменных отношениях [6].

Поэтому в поиске путей устойчивого управления лесными землями в Кыргызстане акцент целесообразно сделать на поиске баланса *стимулирующих и подавляющих* инструментов регулирования лесопользования. «Стимулирующие» инструменты предполагают применение «мягких» экономических методов государственного регулирования, таких, например, как субсидии на лесопосадки и др. «Подавляющие» же предполагают использование инструментов жесткой правовой, налоговой, кредитной, штрафной политики,

²² В советской историографии данную идеологию считали скрытой формой эксплуатации сородичей для достижения корыстных целей имущей части населения. Однако, в действительности, феномен «намыс» заслуживает более глубокого и внимательного изучения в соответствии с историческим процессом, морально-нравственной атмосферой того времени (*авт.*).

²³ Кыргызча-орусча создук. — URL: https://kirgyz_russian.academic.ru/19806/%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%81 (дата обращения: 14.09.2023).

которые прессингуют нерациональное лесопользование, нарушение установленных правил лесопользования. Уже в ближайшей перспективе полезно повысить роль «стимулирующих» механизмов, ориентированных на активизацию общественного участия, например, увязав посадки леса с дотациями домашним хозяйствам и арендаторам (опыт Гватемалы, Коста-Рики и др.)²⁴.

3.5. Отношение к удовлетворению сиюминутных потребностей и личных желаний (*сдержанность или расточительность*) — *этическая норма, характеризующая приемлемость в глазах сообщества того или иного уровня потребления.* Культурой кыргызского народа, исламской религией большинства населения и глубинными традициями тенгрианства, впитавшими в себя степную кочевую культуру, не поощряется расточительное удовлетворение личных желаний, связанных с наслаждением жизнью и получением удовольствий; это распространяется и на отношение к потреблению природных ресурсов. Согласно исторической памяти народа, их недостаток мог непосредственно повлиять на само выживание кочевников, поэтому они вынуждены были бережно управлять этими ресурсами, чтобы обеспечивать свои потребности на протяжении долгого времени.

Для кыргызской культуры характерно комплексное восприятие окружающей природной среды, воспевание красоты природы и забота об ее сохранении. Кыргызы верили, что человек должен жить в гармонии с природой, уважать ее и ухаживать за ней, чтобы обеспечить устойчивость и продолжение жизни на Земле. Такие культурные установки часто прослеживаются во многих литературных произведениях и устном народном творчестве; многие аспекты кыргызской культуры, такие как песни, обряды и легенды, также тесно связаны с природой. Например, «Умай эне» — это традиционная кыргызская песня, которая посвящена Матери-природе. В кыргызской культуре природа считается священной и важной частью жизни, и «Умай эне» отражает глубокую привязанность к природе, уважение к ней и благодарность за ее дары. «Умай эне» является проявлением культового отношения к природе и выражает кыргызский народный мировоззренческий подход, включая взгляды на силу природы, цикличность жизни и важность уважения к окружающему миру. В песне выражается благодарность Матери-природе за плодородие, воду, пастбища,

²⁴ Следует учитывать, что эффективность этого механизма в классической форме зависит от уровня стабильности прав собственности, поэтому в условиях Кыргызской Республики целесообразно использовать механизмы частно-государственного партнерства и программно-целевого управления.

а также за всю жизнь, которую она обеспечивает. Концепция «Умай эне» естественным образом подразумевает ответственное отношение к природе и бережное использование ее ресурсов. Эта песня, как и другие аспекты кыргызской культуры, подчеркивает глубокую связь народа с природой и уважение к ее ценностям. Более того, эта песня олицетворяет философский и духовный аспект отношения к миру, который имеет глубокие корни в традиционной кыргызской ментальности.

В настоящее время кыргызская культура противостоит угрозе доминирования удовлетворения людьми сиюминутных потребностей и личных желаний по отношению к лесу. Сегодня сельские жители, к сожалению, гораздо меньше сотрудничают между собой, чем в прошлом. Благодаря огромному потоку информации и рекламы многие индивидуумы, стремясь получить ресурсы леса, совершают свой выбор (чтобы стать «современными»), руководствуясь соображениями наибольшей сиюминутной пользы лично для себя, игнорируя коллективные ограничения и интересы местных сообществ. При этом образцы для подражания легкой и богатой жизни мифологизируются, как примеры всеобщности успеха, а проблемы и трудности отбрасываются как несущественные. Очарование современной жизни благодаря массовой рекламе сегодня настолько велико, а собственная жизнь и культура кажутся такими отсталыми, что многие люди совершенно не понимают, куда они идут и каковы реальные последствия выбора нового пути. Более того, они верят, что смогут преуспеть там, где другие потерпели неудачу, даже если для этого надо нарушить привычные социальные обязательства, например, оставить своих соседей с истощенными пастбищами и погибшими, ранее плодоносящими, лесами.

В наиболее острой образной форме это явление выразил Чингиз Айтматов в понятии «манкурт». В своем первом романе «Буранный полустанок» («И дольше века длится день...») так он называет взятого в плен человека, превращенного в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни [54, с. 106—107]. Сегодня в переносном смысле слово «манкурт» на многих языках употребляется для обозначения человека, «потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своем родстве»; в этом значении слово «манкурт» стало нарицательным²⁵.

²⁵ Энциклопедия «Кругосвет». — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ATMATOV_CHINGIZ_TOREKULOVICH.html (дата обращения: 15.09.2023).

Противостояние угрозе манкуртизма, по нашему мнению, должно быть обязательно заложено в проекте управления лесными землями в Кыргызской Республике, для чего важно активно поддерживать и укреплять локальные сообщества в их стремлении сохранить жизнеспособность и самобытность, стимулируя развитие институтов, которые, опираясь на свою культуру, способствуют успешной интеграции общества в сложный высококонкурентный мир XXI века.

Обсуждение и выводы

Устойчивое управление лесными землями представляет собой процесс системных институциональных изменений, направленных на обеспечение их жизнеспособности. Для него характерны два основных тренда — расширение применения универсальных институтов, регулирующих лесопользование, и социокультурная «настройка» институтов, с выявлением и принятием во внимание неформальных институтов. Именно такая настройка, а также при необходимости и проектирование новых социокультурно-обусловленных местных норм и правил обеспечивает поддержку институциональных изменений большинством населения. Учет социокультурных особенностей территорий в управлении лесными землями предполагает применение специальной группы «социокультурных» механизмов инструментального регулирования, ориентированных на управление и профилактику конфликтов, которые возникают при взаимодействии универсальных и территориальных социокультурно обусловленных институтов.

Социокультурные особенности Кыргызстана являются основой дифференцированного применения институтов лесопользования, особенно неформальных. Кочевые культурные традиции большинства сельского населения Кыргызской Республики оказывают значительное влияние на характер и формы лесопользования, поскольку диапазон выбора в принятии решений и целевых приоритетов зависит от верований и убеждений людей. Именно они определяют эффективность применения универсальных институтов в управлении лесными землями. Более того, именно неформальные институты формируют социокультурно-обусловленный коридор эффективного импортирования институтов из опыта зарубежных стран. Такой институциональный коридор возник в процессе развития кыргызского народа, который выработал устойчивую систему культурных ценностей, передающихся из поколения в поколение.

Устойчивое управление лесными землями в Кыргызстане можно реализовать, только осно-

вываясь на понимании ценностей и мотивов личности и групп кыргызского общества, а также поддерживая активное участие всех заинтересованных сторон. Этому способствует традиционное для большинства населения Кыргызстана восприятия земли как общественного блага и значимой роли неформальных институтов кочевой родовой общины. Следует учитывать, что кочевой социум на протяжении веков представлял собой уникальную социальную общность, для которой были характерны упрощенные и понятные для всех его членов институты власти и управления. Эти органы эффективно справлялись с руководством всех сторон жизни народа, регулировали общественные, семейные и личностные отношения, обеспечивали в целом безопасное существование социума [6]. Их успешная адаптация к новым сложным реалиям XXI века представляет собой одну из важнейших задач перехода к устойчивому использованию лесных земель.

Говоря о социокультурных измерениях кыргызского социума, значимых для управления лесными землями, наиболее важно учитывать объективно слабую укорененность института прав собственности на землю и недвижимое имущество, отсутствие исторически закрепленных традиций их соблюдения, что существенно ограничивает заимствование целых групп институтов управления лесопользованием из стран со сложившимися традициями земледельческих сообществ. Для культурных традиций большинства населения Кыргызстана также характерен средний диапазон планирования в целом, при относительно высоком на уровне семьи и рода.

Показатель дистанцированности от власти в Кыргызстане имеет двойственный характер, поскольку в институциональном плане традиции центральной власти взаимодействуют с родоплеменными, общинными отношениями, семейно-родственными группами. Так, нахождение на протяжении длительного времени в одном государстве с высоким (свойственным для России) значением показателя дистанцированности от власти, сказывается и сегодня. Также в современном развитии страны играют значительную роль традиционные отношения и социокультурно-обусловленные институты. Поэтому для успешного управления лесными землями в стране важно априорно уже на уровне предварительного анализа отделять неформальные институты, которые способствуют устойчивому управлению лесами Кыргызстана от тех стереотипов поведения, которые негласно ему препятствуют. Именно здесь присутствует основная зона «тонкой социокультурной настройки», чтобы постоянно

сглаживать противоречия, гасить конфликты с минимальными затратами, искать компромиссы и общие интересы.

Для культуры кыргызского народа, выраженной в неформальных и многих формальных институтах управления лесными землями, характерно повышенное внимание к нахождению баланса командности и добровольности в институциональном регулировании, поскольку в сложных, рискогенных условиях степи в обществе формировались устойчивые принципы солидарности, взаимопомощи, взаимовыручки, коллективной ответственности. Поэтому в устойчивом управлении лесными землями в Кыргызстане акцент целесообразно сделать именно на укреплении механизмов поддержания баланса *стимулирующих и подавляющих* инструментов регулирования лесопользования; особенно полезно повысить роль «стимулирующих» механизмов, ориентированных на активизацию общественного участия.

Положительно, что в Кыргызстане стремление удовлетворять сиюминутные потребности и личные желания за счет разграбления природы еще не стало поведенческой основой общества, что важно для устойчивого управления лесными землями. И сегодня именно кыргызская культура, сохранившая традиции взаимоподдержки и страхования рисков в рамках семей, родов и местных сообществ, противостоит угрозе нарастания индивидуальных действий по удовлетворению сиюминутных личных желаний, не считаясь с рисками потери жизнеспособности лесных земель, за счет которых многие сельские жители получают средства к существованию. Поэтому так важно укреплять местные сообщества в их стремлении сохранить жизнеспособность и самобытность, стимулируя развитие институтов, которые, опираясь на культуру и традиции, способствуют успешной интеграции общества в новые реалии XXI века²⁶.

В условиях высокой изменчивости физико-географических условий лесопользования в Кыргызстане важна гуманизация и регионализация самого процесса управления лесопользованием. Понимание важности учета особенностей территорий обуславливает приоритетность локального уровня в разработке стратегий и планов УУЛЗ. Тем более, что именно локальные сообщества людей в наибольшей степени страдают от дегра-

²⁶ Наиболее полезный опыт охраны горных лесов авторы изучали в Коста-Рике, где государство обеспечило экономическую заинтересованность в спасении горных лесов, оплачивая местным жителям посадку леса около сельских поселений.

дации природной среды, и именно здесь возникают основные конфликты (в т. ч. и с органами лесного хозяйства), связанные с игнорированием или недостаточным учетом социокультурных особенностей использования лесных земель при государственном регулировании лесопользования.

Реформируя устойчивое управление лесными землями в Кыргызстане, целесообразно учитывать следующее. *Во-первых*, акцентировать внимание на опыте стран с близкими институциональными условиями, которые добились положительных результатов в сохранении и устойчивом использовании лесных экосистем и природного капитала в целом. *Во-вторых*, импортируя успешные экономические механизмы управления лесными землями из стран с другой культурой, особенно экономические, следует выполнять предварительный априорный институциональный анализ возможности такого переноса. Это поможет избежать неэффективного применения (и даже отторжения) новых механизмов в институциональной среде Кыргызской Республики или замены успешно действующих традиционных механизмов новыми для страны и ее регионов, менее эффективными в конкретных местных условиях²⁷. *В-третьих*, следует обеспечить системную поддержку таких сложившихся в Кыргызстане неформальных институтов, которые способствуют устойчивому управлению лесными землями и прессыгуют стереотипы поведения, ведущие к деградации и потере лесов²⁸.

При выборе механизмов управления лесными землями следует особенно тщательно учитывать этические нормы, способствующие устойчивому использованию таких земель и блокирующие деструктивные стереотипы поведения. Целесообразно начать системную поддержку традиционных социокультурно обусловленных институтов, которые обеспечат достойное место Кыргызской Республики среди других стран и народов.

УУЛЗ формирует потребность в расширении набора статистических и ведомственных показателей, а также в оперативных данных аэрокосмического мониторинга. В основе разработки такой информационно-аналитической системы в качестве методологической платформы целесооб-

²⁷ Уместно вспомнить крылатую фразу яркого российского политика В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» (*авт.*).

²⁸ По вопросу такой возможности автор придерживается конструктивистских позиций, признавая как принципиальную возможность расширения институциональной колеи, так и хрупкость и инерционность изменения стереотипов поведения людей.

разно принять международно-признанную Систему природно-экономического учета (СПЭУ)²⁹. Благодаря своей сетевой и иерархичной структуре СПЭУ способна выполнять роль ядра информационной системы УУЛЗ. Применение СПЭУ создает необходимую информационную платформу и дополнительные возможности для лучшего представления потенциала территории для устойчивых инвестиций. Подходы и форматы СПЭУ полезны на всех уровнях территориальной организации УУЛЗ. К сожалению, в научном плане эта проблема нуждается в отдельной глубокой проработке, что объясняется сложностью предмета исследования и практически отсутствием научного аппарата для оценки индивидуального опыта и личных предпочтений людей при решении каких-либо проблем лесопользования.

Говоря о заимствовании лучших зарубежных институциональных практик управления лесными землями (современных и исторических), для Кыргызстана полезен не только опыт наиболее успешных в экономическом отношении стран мира, но и опыт стран с кочевой культурой, которые в сходных географических условиях реализуют подходы устойчивого развития, а также стран постсоветского пространства, институциональная система которых имеет общие корни совместного развития в XX веке. Полезен и анализ институционального развития в лесопользовании стран БРИКС, где в последние десятилетия системно проводится культурная модернизация, затрагивающая отношения «общество — природа», предполагающая как укрепление традиционных культурных кодов, так и отказ от тех из них, которые тормозят переход к тенденциям устойчивого развития. Так, весьма показательны количественные индикаторы выполнения Стратегии культурной модернизации в Китае, среди которых 24 индикатора оценки и 30 индикаторов мониторинга культуры; наибольший интерес представляют такие индикаторы, как индекс модернизации в культурной жизни, уровень культурной конкурентоспособности и индекс культурного влияния [55].

Заключение

Таким образом, в условиях высокой неопределенности и рискогенности современного мира исторические традиции кыргызов целесообразно рассматривать в качестве важнейшей стабилизирующей социокультурной основы, необходимого

²⁹ Центральная основа Системы природно-экономического учета, 2012. — URL: https://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seeaRev/CF_trans/SEEA_CF_Final_ru.pdf (дата обращения: 16.10.2023).

условия эффективных институциональных изменений в управлении лесными землями. При этом следует априорно выделять и поддерживать те неформальные институты, которые обеспечивают достойное место Кыргызской Республики в новых реалиях XXI века, а воздействие традиций, снижающих жизнеспособность страны, постепенно минимизировать, понимая нелинейность и длительность процесса социокультурной адаптации к происходящим в мире изменениям. В организационном отношении целесообразно поддерживать социальную значимость лесхозов в конструктивном взаимодействии с сельскими общинами.

Следует также признать важность расширения социокультурно обусловленного институционального диапазона принятия решений в сфере лесопользования для повышения эффективности управления лесными землями в Кыргызской Республике, чтобы критически значимые для устойчивого развития технологии не отторгались людьми, как и различные (ранее непривычные или хорошо забытые) формы устойчивого многоцелевого комплексного использования лесных ресурсов и экосистемных услуг. Как показали К. Хофф и Д. Уолш, право способно влиять на поведение не только путем изменения стимулов и информации (координационная функция) или посредством своей экспрессивной роли (в качестве ориентира для социальных норм), но и бла-

годаря своей возможности вносить изменения в категории культуры [56].

Учитывая высокую инерционность социокультурных изменений, решение такой задачи потребует методичных и последовательных усилий на всех уровнях управления по корректировке правовой системы («Step to step»). Такой же подход важен и для устойчивого территориального планирования и проектирования развития лесных земель, в которых процессы общественного участия, показатели и критерии мониторинга и оценки учитываются должным образом. Это сложно, но без глубоких системных институциональных преобразований управления лесными землями с учетом социокультурного фактора повысить вклад лесных земель в капитал устойчивости страны будет затруднительно.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность к. г. н. М. А. Фоменко, к. ф.-м. н. М. О. Шаимкулову, а также всем специалистам лесного хозяйства, региональных и местных органов управления Кыргызской Республики, которые на разных этапах внесли свой вклад в данное исследование.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Научно-производственного объединения «Институт устойчивых инноваций» (2023 г.).

Библиографический список

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
2. Бобылев С. Н. Экономика устойчивого развития: учебник. — М.: КноРус, 2021. — 672 с.
3. Von Weizsacker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population, and the Destruction of the Planet. — Berlin: Springer, 2018.
4. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте: Основы теории и логико-математические методы. — М.: Мысль, 1975. — 288 с.
5. Dade D., Castaneda S., Juan P., Ismailakhunova S., Fomenko G., Ysabekov B., Vargas R. Forest Accounts of Kyrgyz Republic: Kyrgyz Republic Integrated Forest Ecosystem Management Project. KR WAVES Plus. — Washington, D. C.: World Bank Group, 2020. — 47 p.
6. Кочкунов А. Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). — 2013. — 320 с.
7. Agriculture, Forestry and Other Land Use Working Group. Factsheet / LEADS Global Partnership. — December 2015.
8. Van Steenberghe B. Holistic Paradigm: Potential Influence of the Holistic Paradigm of the Social Sciences // *Futures*. — 1990. — № 12. — P. 1071—1083.
9. Степин В. С. О философских основаниях синергетики // *Синергетическая парадигма* / Под ред. В. Г. Буданова. — М.: Прогресс традиция, 2006. — С. 97—102.
10. Фоменко Г. А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
11. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. — 1997. — № 3.
12. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990. — 304 с.
13. Skinner B. F. The behavior of organisms. — New York: Appleton Century Crofts, 1938.
14. Skinner B. F. About behaviorism. — New York: Alfred A Knopf, 1974.
15. Whitehead A. N. Process and reality. — New York: Simon & Schuster, 2010.
16. Smith J. Strategies to position behavior analysis as the contemporary science of what works // *The Behavior Analyst*. — 2015. — P. 75—87.
17. Mullins L. J. Management and organizational behaviour. — London: Pitman, 1985.

18. Hines J. M., Hungerford H. R., Tomera A. N. Analysis and synthesis of research on responsible environmental behavior: A meta-analysis // *The Journal of environmental education*. — 1987. — № 18. — P. 1—8.
19. Akintunde E. Theories and Concepts for Human Behavior in Environmental Preservation // *Journal of Environmental Science and Public Health*. — 2017. — Vol. 1. — P. 120—133.
20. Hungerford H. R., Volk T. L. Changing Learner Behavior Through Environmental Education // *The Journal of Environmental Education*. — 1990. — № 21. — P. 8—21.
21. Schifter D. E., Ajzen I. Intention, perceived control, and weight loss: An application of the theory of planned behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1985. — № 49. — P. 843—851.
22. Ajzen I., Fishbein M. *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs. — NJ: Prentice-Hall, 1980. — 278 p.
23. Karpinnen H. Forest owners' choice of reforestation method: an application of the theory of planned behavior // *Forest. Policy Econ.* — 2005. — № 3. — P. 393—409.
24. Stern P. C. Information, incentives, and proenvironmental consumer behavior // *Journal of Consumer Policy*. — 1999. — № 22. — P. 461—478.
25. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior // *Journal of Social Issues*. — 2000. — № 56. — P. 407—424.
26. Carpenter C. J. A meta-analysis of the effectiveness of health belief model variables in predicting behavior // *Health Communication*. — 2010. — № 25 (8). — P. 661—669.
27. Karen G., Rimer B., Viswanath K. *Health behavior and health education: theory, research, and practice*. — San Francisco: Jossey-Bass, 2008. — P. 45—51.
28. Jonas H. *The imperative of responsibility: In search of an ethics for the technological age*. — Chicago: Univ. of Chicago press, 1984. — 255 p.
29. Токтосунова А. И., Алымбаева Т. Б. Ч. Айтматов о глубокой пропасти между людьми и живой, страдающей природой, и формирование экологического сознания сегодня // *Историческая и социально-образовательная мысль*. — 2021. — Т. 13, № 1. — С. 70—78.
30. Thaler R., Sunstein C. R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness*. — New Haven: Yale University Press, 2008.
31. Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // *Transnational Corporations Review*. — 2010. — Vol. 2, № 2.
32. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. — М.: Мысль, ИРИСЭН, 2011.
33. Барбашин М. Ю. Идентификационные процессы и социальные дилеммы в институциональном пространстве // *Формирование российской идентичности как фактора национальной безопасности*. — М.; Майкоп; Ростов-на-Дону: Изд-во АГУ, 2014. — С. 61—66.
34. Barr S. Strategies for sustainability: responsible environmental citizens and behavior // *Area*. — 2003. — № 35. — P. 227—240.
35. Morris J., Marzano M., Dandy N., O'Brien L. *Forestry, Sustainable Behaviours and Behaviour Change. Lessons Learnt from Interventions and Evaluations*. Forest Research, Farnham. — 2012.
36. Williamson O. E. Hierarchies, Markets and Power in the Economy: An Economic Perspective // *Industrial and Corporate Change*. — 1995. — № 4 (1). — P. 21—49.
37. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / Под общ. ред. А. А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2005.
38. Lombard C. B., Deeks A. A., Teede H. J. A systematic review of interventions aimed at the prevention of weight gain in adults // *Public Health. Nutr.* — 2009. — № 12. — P. 2236—2246.
39. Fjeldsoe V., Neuhaus M., Winkler E., Eakin E. Systematic review of maintenance of behaviour change following physical activity and dietary interventions // *Health. Psychol.* — 2011. — № 30. — P. 99—109.
40. Олейник А. Н. Институциональная экономика. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 416 с.
41. Jeffrey A. Effects of Human Resource Systems on Manufacturing Performance and Turnover // *Academy of Management Journal*. — 1994. — Vol. 37, № 4. — P. 670—687.
42. Liebowitz S. J. *Re-thinking the Network Economy: The True Forces that Drive the Digital Marketplace*. — New York: Amazon, 2002. — 224 p.
43. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. — 1985. — Vol. 75, № 2.
44. David P. A. Path Dependence, its critics, and the quest for historical economics: Working Paper № 00-011. — Stanford: Economics Department, 2000.
45. Hofstede G. *Culture's consequences: Intern Differences in work-related values*. — L.: Beverly Hills, 1980.
46. Фоменко Г. А. Социокультурное измерение развития природоохранных институтов. — Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2014. — 96 с.
47. Hofstede G., Hofstede G. J. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. — New York: McGraw-Hill, 2005.
48. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе: Кыргызстан, 1990. — 480 с.
49. Касымалиева Г. М. Духовные основы экологической культуры кыргызского этноса // *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. — 2018. — № 1 (2).
50. Кочкунов А. С. Этнокультурные аспекты изучения кыргызского нацистроительства // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2020. — № 2-1 (41).
51. Кочкунов А. С. Проблема сохранения стабильности кыргызского общества в условиях политического плюрализма (этнические аспекты) // *Труды международной научно-практической информации, посвященной 10-летию независимости Казахстана*. — Шымкент, 2001. — С. 229—234.
52. Featherstone M., Lash S., Robertson R. *Global Modernities*. — SAGE, 1995. — 306 p.
53. Аттокуров С. Этнография боюнча терминдердин орусча-кыргызча создугу. — Бишкек: Илим, 1989. — 251 с.
54. Айтматов Ч. Т. Буранный полустанок (И дольше века длится день...). — М., 1981. — 121 с.

55. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / Под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тогунян. — М.: Изд-во «Весь мир», 2011. — 256 с.
56. Hoff K., Walsh J. The Third Function of Law is to Transform Cultural Categories: World Bank Policy Research Working Paper № 8954. — 2019.

INSTITUTIONAL FEATURES OF FOREST LAND MANAGEMENT IN THE KYRGYZ REPUBLIC

G. A. Fomenko, Ph. D. (Geography), Dr. Habil., Professor, Scientific Director, Scientific and Production Association "Institute of Sustainable Innovations", info@npo-kad.ru, Russian Federation, Yaroslavl,

K. D. Orozbaeva, Postgraduate, Musa Ryskulbekov Kyrgyz Economic University, kanykey@gmail.com, Kyrgyz Republic, Bishkek

References

1. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow, Fond jekonomicheskoy knigi "Nachala", 1997. 180 p. [in Russian].
2. Bobylev S. N. Jekonomika ustojchivogo razvitija [Economics of Sustainable Development]. Moscow, Knorus. 2021. 672 p. [in Russian].
3. Von Weizsacker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population, and the Destruction of the Planet. Berlin, Springer. 2018.
4. Armand D. L. Nauka o landshafte: Osnovy teorii i logiko-matematicheskie metody [Landscape science: Fundamentals of theory and logical-mathematical methods]. Moscow, Mysl'. 1975. 288 p. [in Russian].
5. Dade D., Castaneda S., Juan P., Ismailakhunova S., Fomenko G., Ysabekov B., Vargas R. Forest Accounts of the Kyrgyz Republic: Kyrgyz Republic Integrated Forest Ecosystem Management Project. KR WAVES Plus. Washington, D. C.: World Bank Group, 2020. 47 p.
6. Kochkunov A. Jetnicheskie tradicii kyrgyzskogo naroda (sociokul'turnye aspekty i nekotorye voprosy genezisa) [Ethnic traditions of the Kyrgyz people (sociocultural aspects and some questions of genesis)]. 2013. 320 p. [in Russian].
7. Agriculture, Forestry and Other Land Use Working Group. Factsheet / LEDS Global Partnership. December, 2015.
8. Van Steenbergen B. Holistic Paradigm: Potential Influence of the Holistic Paradigm of the Social Sciences. *Futures*. 1990. No. 12. P. 1071—1083.
9. Stepin V. S. O filosofskih osnovanijah sinergetiki [On the philosophical foundations of synergetics]. *Sinergeticheskaja paradigma*. Moscow, Progress tradicija, 2006. P. 97—102 [in Russian].
10. Fomenko G. A. Upravlenie prirodoohrannoju dejatel'nost'ju: Osnovy sociokul'turnoj metodologii [Environmental Management: Fundamentals of Sociocultural Methodology]. Moscow, Nauka. 2004. 390 p. [in Russian].
11. Nort D. Institucional'nye izmenenija: ramki analiza [Institutional change: a framework for analysis]. *Voprosy jekonomiki*. 1997. No. 3. [in Russian].
12. Gold Dzh. Psihologija i geografija: Osnovy povedencheskoj geografii [Psychology and Geography: Fundamentals of Behavioral Geography]. Moscow, Progress. 1990. 304 p. [in Russian].
13. Skinner B. F. The behavior of organisms. New York, Appleton Century Crofts. 1938.
14. Skinner B. F. About behaviorism. New York, Alfred A Knopf. 1974.
15. Whitehead A. N. Process and reality. New York, Simon & Schuster. 2010.
16. Smith J. Strategies to position behavior analysis as the contemporary science of what works. *The Behavior Analyst*. 2015. P. 75—87.
17. Mullins L. J. Management and organizational behaviour. London, Pitman. 1985.
18. Hines J. M., Hungerford H. R., Tomera A. N. Analysis and synthesis of research on responsible environmental behavior: A meta-analysis. *The Journal of environmental education*. 1987. No. 18. P. 1—8.
19. Akintunde E. Theories and Concepts for Human Behavior in Environmental Preservation. *Journal of Environmental Science and Public Health*. 2017. Vol. 1. P. 120—133.
20. Hungerford H. R., Volk T. L. Changing Learner Behavior Through Environmental Education. *The Journal of Environmental Education*. 1990. No. 21. P. 8—21.
21. Schifter D. E., Ajzen I. Intention, perceived control, and weight loss: An application of the theory of planned behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. No. 49. P. 843—851.
22. Ajzen I., Fishbein M. Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall. 1980. 278 p.
23. Karpinnen H. Forest owners' choice of reforestation method: an application of the theory of planned behavior. *Forest. Policy Econ.* 2005. No. 3. P. 393—409.
24. Stern P. C. Information, incentives, and pro-environmental consumer behavior. *Journal of Consumer Policy*. 1999. No. 22. P. 461—478.
25. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*. 2000. No. 56. P. 407—424.
26. Carpenter C. J. A meta-analysis of the effectiveness of health belief model variables in predicting behavior. *Health Communication*. 2010. No. 25 (8). P. 661—669.
27. Karen G., Rimer B., Viswanath K. Health behavior and health education: theory, research, and practice. San Francisco, Jossey-Bass. 2008.
28. Jonas H. The imperative of responsibility: In search of an ethics for the technological age. Chicago, Univ. of Chicago press. 1984. 255 p.
29. Toktosunova A. I., Alymbaeva T. B. Ch. Ajmatov o glubokoj propasti mezhdu ljud'mi i zhivoj, stradajushhej prirodoy, i formirovanie jekologicheskogo soznaniya segodnja [Ch. Aitmatov about the deep gap between people and living, suffering nature, forming ecological consciousness today].

- and the formation of environmental consciousness today]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 70–78 [in Russian].
30. Thaler R., Sunstein C. R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness*. New Haven, Yale University Press. 2008.
 31. Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems. *Transnational Corporations Review*. 2010. Vol. 2. No. 2.
 32. Ostrom Je. Upravljanje obshhim. Jevojlucija institutov kolektivnoj dejatel'nosti [Managing the common. Evolution of institutions of collective activity]. Moscow, Mysl', IRISJeN. 2011 [in Russian].
 33. Barbashin M. Ju. Identifikacionnye processy i social'nye dilemmy v institucional'nom prostranstve [Identification processes and social dilemmas in institutional space]. Formirovanie rossijskoj identichnosti kak faktora nacional'noj bezopasnosti. Moscow; Majkop; Rostov-na-Donu: Izd-vo AGU, 2014. P. 61–66. [in Russian].
 34. Barr S. Strategies for sustainability: responsible environmental citizens and behavior. *Area*. 2003. No. 35. P. 227–240.
 35. Morris J., Marzano M., Dandy N., O'Brien L. *Forestry, Sustainable Behaviours and Behaviour Change. Lessons Learnt from Interventions and Evaluations*. Forest Research, Farnham. 2012.
 36. Williamson O. E. Hierarchies, Markets and Power in the Economy: An Economic Perspective. *Industrial and Corporate Change*. 1995. No. 4 (1). P. 21–49.
 37. Institucional'naja jekonomika: novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija [Institutional Economics: New Institutional Economics]. Pod obshh. red. A. A. Auzana. Moscow, INFRA-M. 2005 [in Russian].
 38. Lombard C. B., Deeks A. A., Teede H. J. A systematic review of interventions aimed at the prevention of weight gain in adults. *Public Health Nutr*. 2009. No. 12. P. 2236–2246.
 39. Fjeldsoe B., Neuhaus M., Winkler E., Eakin E. Systematic review of maintenance of behaviour change following physical activity and dietary interventions. *Health Psychol*. 2011. No. 30. P. 99–109.
 40. Olejnik A. N. Institucional'naja jekonomika [Institutional economy]. Moscow, INFRA-M. 2002. 416 p. [in Russian].
 41. Jeffrey A. Effects of Human Resource Systems on Manufacturing Performance and Turnover. *Academy of Management Journal*. 1994. Vol. 37. No. 4. P. 670–687.
 42. Liebowitz S. J. *Re-thinking the Network Economy: The True Forces that Drive the Digital Marketplace*. New York, Amacom, 2002. 224 p.
 43. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 2.
 44. David P. A. Path Dependence, its critics, and the quest for historical economics: Working Paper № 00-011. Stanford, Economics Department. 2000.
 45. Hofstede G. *Culture's consequences: Intern Differences in work-related values*. L.: Beverly Hills. 1980.
 46. Fomenko G. A. Sociokul'turnoe izmerenie razvitija prirodoohrannyh institutov [Sociocultural dimension of the development of environmental institutions]. Jaroslavl', ANO NIPI "Kadastr". 2014. 96 p. [in Russian].
 47. Hofstede G., Hofstede G. J. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York, McGraw-Hill, 2005.
 48. Abramzon S. M. Kirgizy i ih jetnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svjazi [The Kirghiz people and their ethnogenetic and historical-cultural ties]. Frunze, Kyrgyzstan. 1990. 480 p. The Kirghiz.
 49. Kasymaliev G. M. Duhovnye osnovy jekologicheskogo kul'tury kyrgyzskogo jetnosa [Spiritual foundations of the ecological culture of the Kyrgyz ethnic group]. *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii*. 2018. No. 1 (2) [in Russian].
 50. Kochkunov A. S. Jetnokul'turnye aspekty izuchenija kyrgyzskogo naciestroitel'stva [Ethnocultural aspects of studying Kyrgyz nation-building]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2020. No. 2-1 (41) [in Russian].
 51. Kochkunov A. S. Problema sohraneniya stabil'nosti kyrgyzskogo obshhestva v uslovijah politicheskogo pljuralizma (jetnicheskie aspekty) [The problem of maintaining the stability of Kyrgyz society in conditions of political pluralism (ethnic aspects)]. *Trudy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy informacii, posvjashhennoj 10-letiju nezavisimosti Kazahstana*. Shymkent, 2001. P. 229–234 [in Russian].
 52. Featherstone M., Lash S., Robertson R. *Global Modernities*. SAGE, 1995. 306 p.
 53. Attokurov S. *Russko-kirgizskii terminologicheskii slovar' po etnografii* [Russian-Kyrgyz terminological dictionary on ethnography]. Bishkek, Ilim, 1989. 251 p. [in Russian].
 54. Ajtmatov Ch.T. *Burannyj polustanok (I dol'she veka dlitsja den'...)* [Stormy stop (And the day lasts longer than a century...)]. Moscow, 1981. 121 p. [in Russian].
 55. *Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010)* [Overview report on modernization in the world and China (2001–2010)]. Pod obshh. red. N. I. Lapina; predisl. N. I. Lapin, G. A. Togunjan. Moscow, Izd-vo "Ves' mir", 2011. 256 p. [in Russian].
 56. Hoff K., Walsh J. *The Third Function of Law is to Transform Cultural Categories: World Bank Policy Research Working Paper № 8954*. 2019.